

УДК 347.132.6

ФЕНОМЕН ВОЛИ И ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СДЕЛКЕ

Родина Т.Ю., Козин Д.А.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье через анализ сущностных признаков сделки как особого идеального явления по установлению юридической связи раскрывается феномен воли и волеизъявления в недействительной сделке. Делается вывод о том, что в основе сделки, в отличие от других юридических действий, лежит свобода воли лиц её совершающих. Ввиду чего, при ошибочности волеизъявления вся сделка лишается силы и превращается в ещё более уникальное явление – недействительную сделку, суть которого – дать возможность сторонам исправить ошибку. В заключение предлагаются конкретные изменения в нормы ГК РФ.

Ключевые слова: волеизъявление; воля; сделка; недействительная сделка; ошибочность.

DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-01-91-98

К.И. Скловский, сравнивая сделку с архаичным религиозным ритуалом, отмечал важность наличия свободной воли при совершении сделки [7, с. 12]. Автор писал, что сделка принципиально отлична от действий по установлению «грубо-вещественных, непосредственно материальных связей», поэтому как действие волевое, направленное на установление связи социальной, сделка по своему феномену шире закона [там же, с. 13].

Дополняя размышления автора о природе сделки и её недействительности, нужно отметить, что большинство гражданских правоотношений возникает за счёт действий субъектов, и в этой связи Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) выделяет не только категорию юридических действий, но и категории иных юридических действий и действий иного (фактического, технического и т.п.) характера. Это можно обнаружить при анализе норм о посреднических договорах – договоре поручения, комиссии, агентском договоре (статьи 971, 990, 1005 ГК РФ, [2]). При этом Кодекс почему-то не организует группу юридических действий в одно целое, а разделяет её на сделки и иные действия (напр., публикация в банкротном реестре (ЕФРСБ), издании «Коммерсантъ» сведений о процедурах банкротства конкретного должника, публикация в СМИ сообщений о проведении торгов, организация торгов, консультирование доверителя [13], составление кассационной жалобы и представление интересов в суде [14]).

Ответ этой загадки обнаруживается в том, что юридическое действие представляет собой всего лишь «внешнее выражение воли субъекта, с которым норма права связывает наступление правовых последствий» [11, с. 25], а сделка является особым правовым и социальным феноменом.

Так, в центре сделки лежит воля, которая при ошибочности её изъявления вовне показывает, что сделка, на самом деле, является не просто действием, как то записано в Гражданском кодексе РФ, а представляет собой вещь идеальную – явление (процесс) по установлению юридической связи. При этом ошибка воли приводит к лишению силы всей сделки и превращает сделку в новое явление – недействительную сделку.

Кроме того, совершение субъектами сделок в рамках предоставленных нормами ГК РФ возможностей имеет куда большее, чем сугубо юридическое, значение: как феномен социальный сделка помогает субъекту вступить в правовые отношения, опосредует оборот имущества, позволяет обеспечить сохранность имущественного статуса лица и даже может создать для субъекта определённые неимущественные блага (напр., договор купли-продажи, договор банковского вклада, договоры в сфере авторского права). При этом нужно иметь в виду, что применительно к обороту сделка является лишь средством достижения материального результата, но всё же как явление правовое (что является первичным для сделки), она направлена только на результат юридический. Соответственно, опосредование сделкой имущественного оборота носит для права второстепенный характер.

Институт сделок пронизывает все остальные гражданско-правовые институты и даёт лицам возможность ощутить на себе всю пестроту гражданских правоотношений – его можно обоснованно назвать одним из центральных гражданско-правовых институтов.

Для любого правового института характерно наличие способов защиты составляющих его отношений. Институт сделок – не исключение. Однако его особенность заключается в том, что недействительность выступает способом защиты и параллельно является качеством, порождающим новое правовое явление – недействительную сделку.

Как отмечалось выше, исторически сделка представляет собой идеальное явление по установлению юридической связи между субъектами. Понятно, что при совершении этого ритуала неизбежно могли возникнуть ошибки, в т.ч. случайные. Человек связывал себя своей волей, но в определённый момент ошибался – следовательно, нужно было простить его ошибку и вновь дать ему свободу – для принятия нового осознанного решения. Эту свободу совершивший ошибку мог получить только от другого, а тот – от него. Предоставление свободы носило взаимный характер.

Так зародился феномен недействительности сделки со своим уникальным механизмом – реституцией. Как верно отмечает А.Д. Беляев, целью феномена являлось «определение условий, при наличии которых совершённая сделка не повлечёт за собой никаких юридических последствий» [5, с. 63].

Когда сделка наделяется качеством недействительности, она превращается в новое явление – недействительную сделку, которая является самостоятельным юридическим фактом, то есть предусмотренным законом конкретным жизненным обстоятельством, влекущим возникновение, изменение или прекращение правоотношения. В этой связи недействительная сделка порождает собственные последствия: лишает сделку законной силы – притом не просто законной силы, а её действия; устанавливает для каждой стороны обязанность вернуть всё полученное (исполненное) по сделке; предусматривает возможность сохранить сделку в силе (конвалидировать ничтожность сделки); наделяет потерпевшую сторону правом требовать убытки.

Если сравнить недействительную сделку с незаключённым договором то при всей их разности можно обнаружить ещё одно уникальное свойство первого явления: недействительность означает нарушение (отсутствие) условий(-я) силы сделки, а незаключённость – условий(-я) существования [8]. Как пишет Д.А. Соков, «условия существования – это те (условия), которые с необходимостью предполагаются самим понятием договора, как оно вытекает из природы вещей или из закона», а условия силы касаются пороков соглашения либо пороков дееспособности при совершении сделки [там же].

Таким образом, если договор является незаключённым, то стороны теряют возможность достичь того результата, к которому стремились заключая договор. Ни одно из условий договора не существует. Всё исполненное по незаключённому договору будет являться неосновательным обогащением по определению нормы статьи 1102 ГК РФ. Недействительность же рассматривается как ошибка при заключении сделки, при которой в дальнейшем сделка теряет силу. Сама сделка продолжает существовать, хотя логически не существует, и из оборота, таким образом, не исключается. Последствием недействительности сделки выступает возвращение сторон в первоначальное имущественное положение с помощью реституции.

Само слово ошибочность в каком-то смысле наталкивает на мысль о противоправности недействительной сделки, её тождества с деликтом. Как замечает Д.О. Тузов, недействительная сделка вызывает определённый парадокс: с одной стороны, то, что не соответствует правовым предписаниям, не может не быть противоправным, с другой – такая сделка даже обеспечена судебным принуждением и имеет свои последствия [10]. Однако парадокс разрешается тем, что «противоправность, согласно её общепринятому пониманию, заключается в несоответствии действия лишь тем правовым предписаниям, которые устанавливают запреты или позитивные обязывания, т.е. несоответствие которым

причиняет вред охраняемым ими общественным отношениям» – а «положения, устанавливающие основания недействительности сделок, к числу таких предписаний не относятся».

В дополнение к этому, по замечанию К.И. Скловского, деликт сам по себе направлен не на юридический, а на фактический, материальный результат (завладение чужой вещью, физическое насилие и т.п.), хотя и порождает правовые последствия (деликтные обязательства). Любая же сделка, наоборот, направлена на результат юридический. Поэтому сделка, совершённая в нарушение закона (недействительная сделка), не превращается в деликт [7, с. 116].

Как видно, недействительная сделка не является явлением противоправным. Вместе с тем, недействительность сделки (а точнее сказать – заявление о недействительности) является самостоятельным способом защиты права, предусмотренным статьёй 12 ГК РФ [3].

В этом отношении недействительность выступает заботливым допущением законодателя, то есть фикцией, поскольку защитой права является реакция лица на правонарушение, выражающаяся в предъявлении правонарушителю требования, предусмотренного законом, выполнение которого повлечёт прекращение правонарушения или (и) нивелирование его негативных последствий (прим.: определение дано обобщённо).

Также нужно отметить существование двух традиционных объектов защиты – права (которое защищается по умолчанию) и интереса (на возможность защиты которого указывается в законе). Как отмечает В.В. Субочев, право представляет собой дозволенно-возможное поведение, а законный интерес – дозволенно-устремлённое. Соответственно, всякий интерес шире права, поскольку устремления людей весьма многообразны – но только некоторым из них законодатель предоставляет защиту. Интерес далеко не всегда обеспечивается предоставлением субъективного права, а в основе всякого субъективного права, как известно, лежит тот или иной интерес [9, с. 117].

Как способ защиты недействительность сделки направлена на реституционные последствия, поэтому в целом она защищает интерес – лицо произвело исполнение сделки, которую заключать не хотело, и теперь заинтересовано в восстановлении своего имущественного статуса. Большая часть интересов в рамках недействительности сделки обеспечена субъективным правом (напр., правом несовершеннолетних совершать конкретные сделки, правом лица быть свободным в заключении договора). Однако из текста закона следуют и случаи, когда защищается только интерес и он не подкреплён правом – например, когда третье лицо может признать ничтожную сделку недействительной (абз. 2 п. 3 ст. 166 ГК РФ).

Более того, недействительность может защищать только право – например, в случае совершения сделки недееспособным. Субъект страдает психическим расстройством, не может понимать значение своих действий или руководить ими, и абсолютно все сделки за него совершает опекун. Статья 29 Гражданского кодекса РФ устанавливает принцип учёта мнения недееспособного при совершении сделки опекуном. Если мнение установить невозможно – то опекун руководствуется предпочтениями, о которых знают родители или прежние опекуны недееспособного. С позиции указанного представляется, что недееспособный наделён правом совершать сделки через законного представителя, однако наличие интереса в совершении сделок в данном случае есть фикция.

Таким образом, недействительность может защищать как право, так и интерес лица, подкреплённый правом. Однако в силу реституционной направленности недействительность в целом защищает интерес. Из этого отнюдь не следует, что недействительность дана сторонам для защиты своих имущественных интересов: её первостепенный смысл – дать сторонам возможность простить ошибку воли друг друга.

Говоря об ошибочности как сущности недействительности нельзя не отметить, что, к сожалению, на сегодняшний день, закрепляя деление недействительных сделок на оспоримые и ничтожные, Гражданский кодекс РФ не учитывает эту сущность вообще. Попытки найти хоть какое-либо основание этого якобы абстрактного деления среди

формулировок исковых требований, характера недействительности, предметов доказывания, последствий недействительности, сроков исковой давности, круга истцов, других критериев оказываются безрезультатными [6]. Юридическая литература хотя и предлагает другие абстрактные классификации, но они оказываются не более чем теоретическими, разработанными не под российский правопорядок, правоприменительную практику и на деле сложны в понимании. Поэтому следует предложить собственную абстрактную классификацию – по признаку воли и волеизъявления, основанную именно на сущности недействительности сделки и доступную в понимании [там же, с. 124]:

1) сделки с намеренным изменением воли другой стороной – совершённые под влиянием обмана, насилия, угрозы, а также кабальная сделка (ст. 179 ГК РФ);

2) сделки с отсутствием воли в силу закона (совершённые за пределами дееспособности) – сделки недееспособных (ст. 171 ГК РФ), сделки малолетних (до 14 лет, ст. 172 ГК РФ);

3) сделки без согласия, в т.ч. сделки неуполномоченного лица – семейные (ст. 168 ГК РФ, ст. 35 СК РФ), корпоративные (ст. ст. 173.1, 174, 174.1 ГК РФ), сделки ограниченно дееспособных (ст. 176 ГК РФ), сделки несовершеннолетних (от 14 до 18 лет, ст. 175 ГК РФ);

4) сделки с временным отсутствием воли – сделки «временно невменяемого» лица (ст. 177 ГК);

5) сделки по ошибке:

5.1) по добровольной ошибке – напр., очевидные описка, оговорка, опечатка в составе существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ), также совершённые в силу неграмотности обеих сторон;

5.2) по недобровольной ошибке – сделки под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ);

б) иные составы (из § 2 главы 9 ГК РФ).

В силу ограниченности объёма настоящего исследования, для демонстрации феномена воли и волеизъявления в недействительной сделке остановимся на составе сделки с временным отсутствием у лица воли – а именно сделки, совершённой гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ).

К обстоятельствам, влияющим на сознание лица, совершающего сделку, в частности, можно отнести: приём лекарств, влияющих на психическое состояние лица, нервное потрясение, состояние опьянения, болезненное состояние и др. [7, с. 212]. Обычно, в целях доказывания проводится судебная экспертиза (напр., психиатрическая). Однако не всегда возможно эффективно оценить действия лица по прошествии определённого времени после совершения сделки, в т.ч. посмертно.

Так, на практике часто встречаются случаи, когда при жизни человек имеет травму или заболевание, влияющие на его когнитивные способности (напр., сотрясение, опухоль мозга, др.), и заключает при этом сделку (купли-продажи, дарения). Суд назначает проведение посмертной судебно-психиатрической экспертизы. Однако эксперты заключают недостаточность объективных сведений о психическом состоянии лица в юридически значимый период. При этом, сколько бы ни было показаний свидетелей об имевшихся у лица при жизни заболеваниях и отклонениях, с достоверностью подтвердить, что лицо не могло понимать значение своих действий и руководить ими при заключении договора, к сожалению, невозможно [16]. Суды не находят оснований для удовлетворения требований истцов.

Для обеспечения безопасности при совершении сделки П.В. Крашенинников рекомендовал гражданам обращаться к нотариусу, у которого имеется неплохой арсенал средств, в том числе и видеофиксация [17]. Правда речь господетель вёл о наследственных спорах и появившейся у нотариуса обязанности осуществлять видеофиксацию при удостоверении совместного завещания супругов (пункт 5.1 статьи 1125 ГК РФ [1;4]). По словам спикера, на практике это привело к тому, что многие наследники стали отказываться от исков в силу абсолютной трудности доказывания, когда завещатель сидит перед

камерой и диктует твёрдым голосом текст завещания.

И действительно, данные судебной статистики свидетельствуют об уменьшающемся количестве оспаривания завещаний [18]. То есть закрепление законодателем дополнительной обязанности нотариуса эффективно сработало на практике. Однако, несмотря на пополняющийся инструментарий нотариусов, практика выявляет проблемы даже в случаях нотариального оформления сделок.

Так, матерью истца в нотариальной форме был заключён договор дарения квартиры брату истца [15]. Через некоторое время после смерти матери брат обратился в суд с целью выселения истца из квартиры. Истец засомневался во вменяемости матери на момент совершения сделки в силу имевшихся у неё заболеваний, а также с учётом того, что ранее она считала, что данное имущество перейдёт наследникам по праву наследования. Истец обратился в суд.

Суд назначил судебно-психиатрическую экспертизу. Эксперты установили, что:

на момент совершения сделки у матери истца обнаруживалось органическое лёгкое когнитивное расстройство в связи со смешанными заболеваниями, на что указывает эпикриз (в течение длительного времени страдала гипертонической болезнью и сахарным диабетом, с <...> года выставлен диагноз «болезнь Паркинсона»); также установлено, что мать истца наблюдалась в <период> у терапевтов и неврологов в медицинской организации;

в то же время на момент совершения сделки у матери истца не отмечалось грубых нарушений памяти и интеллекта, отсутствовала галлюцинаторно-бредовая симптоматика, были сохранены в достаточном объёме критические и прогностические способности, что подтверждается медицинской документацией, а также показаниями свидетелей по делу. На момент совершения сделки мать истца по психическому состоянию могла понимать значение своих действий и руководить ими.

В итоге, в основу судебного решения легло единственное доказательство – представленное экспертами заключение. Суд отказал истцу в удовлетворении требований, указав в том числе, что гражданский закон «устанавливает презумпцию вменяемости, то есть изначально предполагает субъектов психически здоровыми, а правовое значение для дела имеет не само по себе наличие какого-либо заболевания, а возможность лица при совершении сделки понимать значение своих действий или руководить ими».

Дальнейший анализ судебной практики не обнаруживает позитивных моментов, ввиду чего видится верным предложить законодателю закрепить в статье 163 ГК РФ правило об обязательном нотариальном удостоверении сделок по отчуждению имущества лицами старше 60 лет с обязательным проведением видеофиксации удостоверяемого нотариусом действия, а также в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 [12] в отношении статьи 177 ГК РФ изложить примеры ситуаций, в силу которых даже при недостаточности у эксперта объективных данных о состоянии лица в момент совершения сделки суд вправе признать такую сделку недействительной (напр., когда лицо попало в аварию и доказательства подтверждают дальнейшее ухудшение состояния здоровья потерпевшего; напр., когда лицо страдало конкретным заболеванием и при этом находилось на лечении в медицинской организации, что подтверждается документально).

Подводя итоги настоящему исследованию, следует констатировать, что сделка является особым правовым явлением – это идеальное явление по установлению юридической связи между субъектами, в самой сути которого лежит свобода воли лиц её совершающих. При ошибочности волеизъявления вся сделка лишается силы и превращается в ещё более уникальное явление – недействительную сделку, суть которого – дать возможность сторонам исправить ошибку изъявления воли, вернув всё в начальное положение.

Тем не менее, на сегодняшний день в нормах о сделках и их недействительности законодательно отсутствует какое-либо понимание этих феноменов, что приводит в том числе к серьёзным последствиям на практике. В силу большого количества составов

недействительности, с целью совершенствования указанных норм были предложены конкретные изменения в состав статьи 177 ГК РФ – сделки, совершённой гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Парламентская газета. – 2001. – № 224. – 28 ноября.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 2018. – 19 июля.
5. Беляев, А. Д. Развитие института недействительности сделок в отечественном законодательстве в период с XIX по XXI век / А. Д. Беляев // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 63 – 67. – Текст : непосредственный.
6. Козин, Д. А. Оспоримые и ничтожные сделки: нужна ли новая классификация? / Д. А. Козин, Т. Ю. Родина // Экономика. Социология. Право. – 2022. – № 4(28). – С. 118 – 128. – Текст : непосредственный.
7. Сделка и её действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добровольности / К. И. Скловский. – 4-е изд., доп. – Москва : Статут, сор. 2019. – 276 с.; 21 см.; ISBN 978-5-8354-1517-5 : 500 экз. – Текст : непосредственный.
8. Соков, Д. А. Признание сделки незаключённой как самостоятельный способ защиты субъективного права / Д. А. Соков. – 2019. – 04 августа. – Текст : электронный // Закон.ру : информационно-правовой портал. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/08/04/priznanie_sdelki_nezaklyuchennoj_kak_samostoyatelnyj_sposob_zaschity_subektivnogo_prava (дата обращения: 20.02.2023).
9. Субочев, В. В. Законные интересы / В.В. Субочев; Под ред. А.В. Малько; Российская академия наук. – Москва : НОРМА, 2008. – 496 с. – ISBN 978-5-468-00151-6. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/132414> (дата обращения: 20.02.2023).
10. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / Д. О. Тузов. – Москва : Статут, 2007. – 600 с.; 21 см. – (Библиотека ЦивИс.); ISBN 978-5-8354-0448-3 (В пер.). – Текст : непосредственный.
11. Титов, Е. В. Понятие и признаки юридического действия в гражданском праве / Е. В. Титов // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 3 (31). – С. 16 – 27. – Текст : непосредственный.
12. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 2015. № 140. 30 июня.
13. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2021 № 88-9153/2021 по делу № 2-2634/2020 (УИД 74RS0007-01-2020-003152-29). – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2023).
14. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2021 по делу № 88-9870/2021. – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2023).
15. Решение Дятьковского городского суда Брянской области от 14.01.2021 по делу № 2-3/2021 (УИД 32RS0008-01-2020-000186-30). – Текст : электронный // КонсультантПлюс. –

URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2023).

16. Решение Подольского городского суда Московской области от 22.07.2020 № 2-1523/2020~М-555/2020 (УИД: 50RS0035-01-2020-000725-24). – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2023).

17. Куликов В. Завещанию верить. Новые нормы позволят сократить число споров из-за наследства / В. Куликов. – Текст : электронный // Российская газета. – 2021. – № 129. – 14 июня. – URL: <https://rg.ru/2021/06/14/novye-normy-pozvoliat-sokratit-chislo-sporov-iz-zanastvedstva.html> (дата обращения: 20.03.2022).

18. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 годы. – Текст : электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.02.2023).

Сведения об авторах

Родина Татьяна Юрьевна - старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». Адрес: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. E-mail: rodina1803@rambler.ru

Козин Дмитрий Александрович - магистрант 1 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». Адрес: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. E-mail: snak12349@gmail.com

UDC 347.132.6

THE PHENOMENON OF WILL AND EXPRESSION OF WILL IN AN INVALID TRANSACTION

Rodina T.Yu., Kozin D.A.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

Through the analysis of the essential features of a transaction as a special ideal phenomenon for establishing a legal connection, the phenomenon of will and expression of will in an invalid transaction is revealed. It is concluded that the basis of the transaction, unlike other legal actions, is the freedom of will of the persons committing it. In view of this, if the will is erroneous, the entire transaction is invalidated and turns into an even more unique phenomenon – an invalid transaction, the essence of which is to enable the parties to correct the error. In conclusion, specific changes to the norms of the Civil Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: expression of will; will; transaction; invalid transaction; fallacy.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Three): Federal Law №. 146-FZ of 26.11.2001 (as amended on 01.07.2021) // Parliamentary Gazette. - 2001. – №. 224. – November 28.

2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law №. 14-FZ of 26.01.1996 (as amended on 01.07.2021, with amendments. from 08.07.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2022) // NW of the Russian Federation. – 1996. – №. 5. – Article 410.3.

The Civil Code of the Russian Federation (Part One) : Federal Law No. 51-FZ of 30.11.1994 (ed. of 16.04.2022) // SZ RF. – 1994. – №. 32. – St. 3301.

4. On Amendments to Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 217-FZ of 07/19/2018 // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> , 2018. – July 19.

5. Belyaev, A.D. Development of the institute of invalidity of transactions in domestic legislation in the period from XIX to XXI century / A.D. Belyaev // Bulletin of Economics, Law

and Sociology. - 2018. – №. 1. – Pp. 63-67. – Text : direct.

6. Kozin, D. A. Disputed and insignificant transactions: is a new classification needed? / D. A. Kozin, T. Y. Rodina // *Economy. Sociology. The right.* – 2022. – № 4(28). – Pp. 118 -128. – Text : direct.

7. The transaction and its effect. Commentary of Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. The principle of voluntariness / K. I. Sklovsky. - 4th ed., supplement – Moscow : Statute, cop. 2019. – 276 p.; 21 cm.; ISBN 978-5-8354-1517-5 : 500 copies – Text : direct.

8. Sokov, D. A. Recognition of a transaction not concluded as an independent way of protecting a subjective right / D. A. Sokov. – 2019. – August 04. – Text : electronic // Law. <url> : information and legal portal. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/08/04/priznanie_sdelki_nezaklyuchennoj_kak_samostoyatelnyj_sposob_zaschity_subektivnogo_prava (accessed: 02/20/2023).

9. Subochev, V. V. Legitimate interests / V.V. Subochev; Edited by A.V. Malko; Russian Academy of Sciences. – Moscow : NORMA, 2008. – 496 p. – ISBN 978-5-468-00151-6. – Text : electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/132414> (accessed: 02/20/2023).

10. The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition / D. O. Tuzov. – Moscow : Statute, 2007. – 600 p.; 21 cm. – (CIVIS Library); ISBN 978-5-8354-0448-3 (In the lane). – Text: direct.

11. Titov, E. V. The concept and signs of legal action in civil law / E. V. Titov // *Prologue: journal of Law.* – 2021. – № 3 (31). – Pp. 16-27. – Text : direct.

12. On the application by courts of Certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated 23.06.2015 // *Rossiyskaya Gazeta.* 2015. No. 140. June 30.

13. Ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated 17.06.2021 No. 88-9153/2021 in case No. 2-2634/2020 (UID 74RS0007-01-2020-003152-29). – Text : electronic // *ConsultantPlus.* – URL: www.consultant.ru (date of appeal: 20.02.2023).

14. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 11.05.2021 in case No. 88-9870/2021. – Text: electronic // *ConsultantPlus.* – URL: www.consultant.ru (accessed: 02/20/2023).

15. The decision of the Dyatkovsky City Court of the Bryansk region of 14.01.2021 in case No. 2-3/2021 (UID 32RS0008-01-2020-000186-30). – Text : electronic // *ConsultantPlus.* – URL: www.consultant.ru (date of appeal: 20.02.2023).

16. Decision of the Podolsk City Court of the Moscow region of 22.07.2020 No. 2-1523/2020~M-555/2020 (UID: 50RS0035-01-2020-000725-24). – Text : electronic // *ConsultantPlus.* – URL: www.consultant.ru (accessed: 02/20/2023).

17. Kulikov V. Trust the will. The new rules will reduce the number of disputes over inheritance / V. Kulikov. – Text : electronic // *Rossiyskaya Gazeta.* – 2021. – No. 129. - June 14. – URL: <https://rg.ru/2021/06/14/novye-normy-pozvoliat-sokratit-chislo-sporov-iz-za-nasledstva.html> (accessed: 03/20/2022).

18. Summary statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2018, 2019, 2020, 2021, 2022. – Text : electronic // *Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation.* – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed: 02/20/2023).

Authors` information

Rodina Tatiana Yurievna is a senior lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of the Bryansk State Academician I.G. Petrovski University. Address: 241036, Bryansk, Bezhitskaya str., 14. E-mail: rodina1803@rambler.ru

Kozin Dmitry Aleksandrovich is a 1st-year master's student of the Faculty of Law of the Bryansk State Academician I.G. Petrovski University. Address: 241036, Bryansk, Bezhitskaya str., 14. E-mail: snak12349@gmail.com